

Откровения смерти.

(Последнія произведения Л. Н. Толстого).

... ὁρθῶς ἀπτόμενοι φιλοσοφίας λεληθῆναι τοὺς ἄλλους, ὅτι οὐδὲν ἄλλο ἐπιτηδεύουσιν ἢ ἀποθνήσκειν καὶ τεθνᾶναι. *)

Платонъ. Федонъ. 64 А.

I.

Аристотель гдѣ-то говорить, что у каждаго сновидца свой собственный міръ, у всѣхъ-же бодрствующихъ — одинъ общій міръ. Это положеніе — основа не только Аристотелевской, но и всей, какъ до него, такъ и послѣ него существовавшей научной, положительной философіи. Оно-же считается непререкаемой истиной и обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Можетъ-ли человѣкъ отказаться отъ самоочевидной истины? Не можетъ, конечно. Значить, никто, даже самъ Богъ, отъ него этого и требовать не вправѣ? Deus impossibilia n. p. jubet — Богъ не требуетъ невозможнаго, — это тоже самоочевидная истина, на которой сходятся и положительная наука, и здравый смыслъ, и даже проникнутая мистицизмомъ вѣра католичества.

Но смерть съ этимъ не считается. У нея свои истины, свои очевидности, свои возможности и невозможности. Онѣ не мирятся съ нашими обычными представленіями, и мы не умѣемъ постигать ихъ. Только исключительные люди, въ рѣдкія минуты напряженнѣйшаго душевнаго подъема научаются слышать и понимать загадочный языкъ смерти. Это дано было и Л. Н. Толстому. Что ему открыла смерть? Какія невозможности стали для него возможными? Вѣдь смерть, вопреки здравому смыслу, требуетъ отъ человѣка невозмож-

*) ... для всѣхъ людей это тайна: кто всецѣло отдается философіи, тотъ не стремится ни къ чему иному, какъ къ умранію и смерти.

наго и, вопреки Аристотелю, вырываетъ его изъ общаго вѣсьмъ міра. Какъ это происходитъ? Какъ невозможное становится возможнымъ?

Среди посмертныхъ произведеній Толстого есть небольшой, неоконченный рассказъ — «Записки Сумасшедшаго». Содержаніе его простое: богатый помѣщикъ, прослышавъ, что въ Пензенской губерніи продается имѣніе, ѣдетъ осматривать его. Ѣдетъ и радуется: по его соображеніямъ удастся купить отличное имѣніе за безцѣнокъ, почти задаромъ. И вотъ, *внезапно*, по пути, во время ночевки въ гостиницѣ, безъ всякой видимой внѣшней причины имъ овладѣваетъ страшная, невыносимая тоска. Въ окружающемъ не произошло никакой переменны, ничего не случилось, все осталось по-прежнему. Но прежде все внушало довѣріе, все казалось естественнымъ, законнымъ, нужнымъ, упорядоченнымъ, дающимъ покой, сознаніе, что подъ ногами почва, что кругомъ реальность. Не было ни сомнѣній, ни вопросовъ — были одни отвѣты. Теперь же сразу, мгновенно, точно по волшебству все измѣнилось. Отвѣты, покой, почва, сознаніе правоты и сопровождающее все это чувство легкости, простоты, ясности — все пропало. Остались одни огромные и совершенно новые вопросы, съ ихъ вѣчными, назойливыми спутниками — тревогой, сомнѣніемъ и бессмысленнымъ, ненужнымъ, глоущимъ, но непреодолимымъ страхомъ. Были пущены въ ходъ обычные средства, которыми люди отгоняютъ отъ себя тяжелыя мысли и настроенія, но они оказались непригодными. «Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, о женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонялъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ, было, но только что улегся, какъ вдругъ вскопчилъ отъ ужаса. И тоска, тоска—такая же тоска, какая бываетъ передъ рвотой — но только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерть страшна, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то *умирающей жизни страшно*. Какъ-то и жизнь и смерть сливались въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло раздрать. Еще разъ пошелъ посмотреть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть, все тотъ же ужасъ — красный, бѣлый, квадратный. Рвется что-то и не разрывается». Такъ безстрашно обнажаетъ себя Толстой. Не у многихъ писателей мы найдемъ такую правду. И, если захотѣть и сумѣть увидѣть эту правду — вѣдь и обнаженную правду увидѣть нелегко — то возникаетъ цѣлый рядъ роковыхъ и несоизмѣримыхъ съ масштабомъ нашего привычнаго мышленія вопросовъ. Какъ принять эти *вдругъ* явившіяся, *безпричинные*, красные, бѣлые, квадратные ужасы? Въ «общемъ для всѣхъ мірѣ» нѣтъ и не должно быть ни «вдругъ» ни «дѣйствія безъ причины». И ужасы тамъ не бываютъ ни бѣ-

лыми, ни красными, ни квадратными. То, что произошло съ Толстымъ, есть угроза нормальному человѣческому сознанию. Сегодня, вдругъ, безъ причины обезпокоился Толстой, завтра, тоже безъ всякаго основанія, обезпокоится другой, тамъ — третій, и въ одинъ прекрасный день зараза распространится на все общество, на всѣхъ людей. Если серьезно принять то, что рассказано въ «Запискахъ Сумасшедшаго», то выхода иного нѣтъ: нужно либо отречься отъ Толстого и отдѣлить его отъ общества, какъ въ средніе вѣка отдѣляли больныхъ проказой или иной страшной прилипчивой болѣзью, либо, если признать его переживанія «закономѣрными», ждать и трепетать ежеминутно, что и съ другими произойдетъ то-же, что съ нимъ, что «общій всѣмъ міръ» распадется, что люди изъ бодрствующихъ обратятся въ сновидцевъ и у cadaго челоуѣка не во снѣ, а на-яву будетъ свой собственный міръ.

Здравый смыслъ и выросшая изъ здраваго смысла наука не можетъ колебаться предъ такой дилеммой. Правъ не Толстой съ его безпредметной тоской, безпричинными страхами и безумными тревогами. Правъ «общій міръ» съ его твердой вѣрой и прочными, вѣковыми, спокойными, всѣмъ равно доступными, ясными и отчетливыми истинами. Если-бы рѣчь шла не о прославившемся на весь міръ писателѣ, — судьба Толстого была-бы рѣшена: онъ былъ-бы извергнутъ изъ общества, какъ больной и крайне для всѣхъ опасный челоуѣкъ. Но Толстой — гордость и слава Россіи, съ нимъ нельзя такъ рѣшительно поступать. Какъ ни явно нельзя и неприемлемо то, что онъ говоритъ, его продолжаютъ слушать, съ нимъ продолжаютъ даже считаться.

«Сегодня,—рассказываетъ онъ дальше,—меня возили свидѣлствоваться въ губернское правленіе, и мнѣнія раздѣлились. Они спорили и рѣшили, что я не сумасшедшій. Но они рѣшили такъ потому, что я всѣми силами держался во время свидѣлствованія, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому, что боюсь сумасшедшаго дома, боюсь, что тамъ мнѣ помѣшаютъ дѣлать мое сумасшедшее дѣло. Они признали меня подверженнымъ аффектамъ и еще что-то такое, но въ здоровомъ умѣ. *Они признали, но я то знаю, что я сумасшедшій*...»

Несомнѣнно, что не *они* правы, а *онъ*. Толстой всю жизнь чувствовалъ въ своей душѣ что-то, что выталкивало его изъ «общаго міра». Онъ рассказываетъ, что припадки, вродѣ того, который приключился съ нимъ во время побѣдки въ Пензенскую губернію, хоть и рѣдко, но и прежде бывали. Уже въ раннемъ дѣтствѣ, по самымъ незначительнымъ поводамъ, имъ овладѣвало внезапно чувство ужаса, бурно и властно сгонявшее естественное чувство радости бытія и покоя существованія. Лежитъ онъ въ кроваткѣ, ему тепло, уютно, спо-

койно, онъ думаетъ о томъ, какіе всѣ люди хорошіе и какъ всѣ другъ друга любятъ. Вдругъ онъ слышитъ, какъ эконожка съ нянькой обмѣнялись нѣсколькими сердитыми словами, и все очарованіе, какъ бы по заклинанію злого духа, мгновенно исчезаетъ. «Мнѣ становится и больно, и страшно, и непонятно, и ужасъ, холодный ужасъ находить на меня, и я прячусь съ головой подъ одѣяло».

Другой разъ при мнѣ били мальчика. «И тутъ, — рассказываетъ онъ, — на меня нашло. Я сталъ рыдать, рыдать и долго никто не могъ меня успокоить. Вотъ эти-то рыданія и были первыми припадками моего сумасшествія». Третій разъ на него нашло, когда ему тетя рассказывала о томъ, какъ Христа мучали. Онъ сталъ допытываться, за что его мучали — но тетка не умѣла отвѣтить. «И на меня опять нашло. Я рыдалъ, рыдалъ, потомъ сталъ биться головой о стѣнку». Не одинъ Толстой — всѣ люди бывали свидѣтелями ссоръ между близкими, всѣмъ приходилось видѣть примѣры жестокаго обращенія съ дѣтьми, всѣ читали и слышали о мукахъ Христа. Но ни въ комъ, по крайней мѣрѣ рѣдко въ комъ, наблюдалась такая бурная, безудержная реакція. Поплачуть и забудутъ, впечатлѣнія сами собой потонутъ и растворятся въ массѣ другихъ впечатлѣній. Но Толстому не дано было забыть. Впечатлѣнія дѣтства прочно засѣли въ глубинахъ его души, онъ ихъ словно даже бережетъ, какъ драгоценное сокровище, какъ нѣкій таинственный платоновскій анамнезисъ, смутно свидѣтельствующій объ иномъ, непостижимомъ бытіи. И они, эти впечатлѣнія, въ свой чередъ ждуть только «сроковъ», чтобы властно предъявить свои права. Правда, развлеченія, забавы и заботы жизни, всѣ «дѣла», которыми наполняется существованіе человѣка, отвлекали Толстого надолго отъ его необычайныхъ видѣній. И, затѣмъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, онъ инстинктивно боялся «сумасшедшаго дома» — и еще больше боялся сумасшествія, т. е. жизни не въ общемъ всѣмъ, а въ своемъ особенномъ мірѣ. Поэтому, онъ дѣлалъ величайшія напряженія, чтобы жить, «какъ всѣ», и видѣть только то, что не выбиваетъ человѣка изъ обычной колеи.

II.

«Зависки Сумасшедшаго» въ нѣкоторомъ смыслѣ могутъ считаться ключомъ къ творчеству Толстого. Если бы онъ не были написаны самимъ Толстымъ, мы, съ нашими привычками видѣть въ великихъ людяхъ образцы всѣхъ не только гражданскихъ, но и военныхъ добродѣтелей, увидѣли бы въ нихъ клевету на Толстого. Онъ самъ, если-бы кто-нибудь за годъ или даже за день до начала его «сумасшествія» предста-

вилъ ему его жизнь такой, какой она изображена въ «запискахъ», глубоко возмущился и увидѣлъ бы въ этомъ только преступное желаніе запятнать его доброе имя. И, въ самомъ дѣлѣ — самая злая клевета не сравнится съ той правдой, которую Толстой о себѣ рассказываетъ. Онъ хочетъ кунить имѣніе — по не хочетъ за него платить настоящую цѣну. Онъ ищетъ «такого дурака» — это его собственные слова, — который бы продалъ имѣніе за безцѣнокъ, такъ чтобы потомъ, продавши на срубъ лѣсъ, можно было выручить столько денегъ, сколько было уплочено за имѣніе, и чтобы имѣніе досталось даромъ. Такой дуракъ навѣрное найдется: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Толстой терпѣливо выжидаетъ, читаетъ объявленія, собираетъ справки. Или, если Богъ не пошлетъ дурака, Толстой отыграется на мужикахъ. Купить имѣніе въ такомъ уѣздѣ, гдѣ мужики всѣ безземельные: тогда будутъ у него даровые работники.

Что рассказъ не есть вымыселъ и что помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь — самъ Толстой, въ томъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ письмо Толстого къ женѣ *) (№ 63). Приведу его полностью: «Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, на меня нашла тоска, страхъ, ужасъ такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ расскажу впоследствии, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывать, и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддался ему, тѣмъ болѣе, что оно было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ только безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ». Даже мелкія подробности въ письмѣ тѣ-же, что и въ «Запискахъ Сумасшедшаго»: и покупка имѣнія, и поѣздка, и Пензенская губ., и городъ Арзамасъ, и «мысли о женѣ», и безпричинный, безумный страхъ...

Въ литературѣ существуетъ прочно установившійся обычай: показывать читателямъ только лицевую сторону жизни великихъ людей. «Низкія» истины намъ не нужны: что съ ними дѣлать? Мы увѣрены, что истины намъ нужны не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку онѣ бываютъ по-

*) Письмо съ поѣздки въ Пензенскую губ. для осмотра имѣнія, которое Л. Н. предполагалъ купить и не купилъ.

лезны для какого-нибудь «дѣланія». Такъ составилъ жизнеописаніе Достоевскаго Н. И. Страховъ — объ этомъ онъ самъ исповѣдуются Толстому въ опубликованномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1913 г.) письмѣ. «Все время писанія, — рассказываетъ онъ, — я боролся съ подымавшимся во мнѣ отвращеніемъ, старался подавить въ себѣ дурное чувство. Пособите мнѣ найти отъ него выходъ. Я не могу считать Достоевскаго ни хорошимъ, ни счастливымъ человѣкомъ. Онъ былъ золь, завистливъ, развратенъ, онъ всю жизнь провелъ въ такихъ волненіяхъ, которыя бы дѣлали его жалкимъ и смѣшнымъ, если бы онъ не былъ при этомъ такъ золь и такъ уменъ. По случаю біографіи я живо вспомнилъ эти чувства. Въ Швейцаріи, при мнѣ, онъ такъ помыкалъ слугой, что тотъ обидѣлся и выговорилъ ему: «я вѣдь тоже человѣкъ». Помню, какъ это тогда-же мнѣ было поразительно, что это было сказано проповѣднику гуманности и что тутъ отозвались понятія вольной Швейцаріи о правахъ человѣка. Такія сцены были съ нимъ безпрестанно, почему онъ не могъ удержать своей злости. Я много разъ молчалъ на его выходки, которыя онъ дѣлалъ совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо, но и мнѣ случалось раза два сказать ему очень обидныя вещи. Но, разумѣется, онъ вообще имѣлъ перевѣсъ надъ обыкновенными людьми, и всего хуже, что онъ этимъ услаждался, что онъ никогда не каялся до конца во всѣхъ своихъ пакостяхъ. Его тянуло къ пакостямъ, и онъ хвалился этимъ. Висковатовъ (профессоръ Юрьевскаго университета) сталъ мнѣ рассказывать, какъ онъ похвалялся, что... въ банѣ съ маленькой дѣвочкой, которую ему привела гувернантка. Лица, наибольше на него похожія — это герой «Зап. изъ подполья», Свидригайловъ и Ставрогинъ. Одну сцену изъ Ставрогина (растлѣніе и пр.) Катковъ не захотѣлъ печатать, но Достоевскій здѣсь читать ее многимъ. При такой натурѣ онъ былъ расположенъ къ сладкой сентиментальности, къ высокимъ и гуманнымъ мечтаніямъ, и эти мечтанія — его направленіе, его литературная муза и дороги. Въ сущности, впрочемъ, всѣ его романы составляютъ самооправданіе, доказываютъ, что въ человѣкѣ могутъ ужиться съ благородствомъ всякія мерзости. Вотъ маленькій комментарий къ моей біографіи; я бы могъ записать и эту сторону въ Достоевскомъ; много случаевъ рисуется мнѣ гораздо живѣе, чѣмъ то, что мною описано, и рассказъ вышетъ бы правдивѣе; но пусть эта правда погибнетъ; будемъ щеголять одной лицевой стороной жизни, какъ мы это дѣлаемъ вездѣ и во всемя»...

Не знаю, много-ли найдется въ литературѣ документовъ, по своей цѣнности равныхъ приведенному письму. Не увѣренъ даже, понималъ-ли Страховъ смыслъ и значеніе того,

въ чемъ онъ признавался Толстому. Въ новое время многіе утверждали, что ложь цѣннѣе истины. Объ этомъ говорилъ О. Уайльдъ, Нитше, даже Пушкинъ воскликнулъ: «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающей обманъ». Но всѣ они обрацались къ читателю, поучали. А Страховъ просто и искренне кается, и это придаетъ его словамъ особую силу и значительность. Вѣроятно, письмо произвело огромное впечатлѣніе на Толстого, который какъ разъ въ это время особенно мучительно чувствовалъ бремя условной лжи и весь былъ охваченъ жаждой очищающей исповѣди. Вѣдь онъ самъ былъ жрецомъ возвышающаго обмана и какого чарующаго, чудеснаго, захватывающаго! Онъ тоже, какъ и Страховъ, училъ людей щеголять лицевою стороною жизни и губить правду. Вѣдь онъ писалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину» съ ихъ апоѳеозомъ помѣщичьей жизни какъ разъ въ тѣ годы, когда самъ скупалъ у дураковъ задаромъ имѣнья, прижималъ безземельныхъ мужиковъ и т. д. Все это было, было и еще многое, такое-же. Но все это казалось законнымъ, даже священнымъ, ибо этимъ держался общій всѣмъ міръ. Отвергни это — и ты будешь поставленъ въ необходимость создать свой собственный міръ. Такъ и было съ героемъ «Записокъ Сумасшедшаго». Онъ увидѣлъ, что одно изъ двухъ: либо жена и домашніе, нападавшіе на него за новый образъ мысли, были правы и онъ точно боленъ и нуждается въ лѣченіи, либо весь міръ боленъ и живетъ въ безуміи. «Записки Сумасшедшаго» могутъ почитаться, какъ бы суммарнымъ заглавіемъ ко всему, написанному Толстымъ послѣ 50 лѣтъ. И, мнѣ кажется, что Толстой не случайно заимствовалъ у Гоголя заглавіе для своего незаконченнаго рассказа. Когда при мнѣ одной дѣвочки прочли «Записки Сумасшедшаго», Гоголя, она была больше всего поражена тѣмъ, какъ могъ Гоголь такъ старательно выписывать всѣ мелкія подробности хаотическаго состоянія потерявшей равновѣсіе души. И, въ самомъ дѣлѣ, что привлекло его, въ молодые годы, къ этой странной темѣ? Зачѣмъ вообще описывать хаосъ и безуміе? Какое намъ дѣло до того, считать-ли или не считатьъ себя Поприщину испанскимъ королемъ, были-ли влюбленъ больной чиновникъ въ дочь своего начальника, переписывались-ли между собою собачонки и т. д.?

Очевидно, Гоголю дикій полетъ фантазіи сумасшедшаго не казался такимъ бессмысленнымъ и ни къ чему не нужнымъ, равно какъ и тотъ особенный, только ему одному принадлежащій міръ не представлялся столь нереальнымъ, какъ это кажется намъ. Что-то его тянуло къ Поприщину и къ безумію Поприщина, что-то въ его жизни и его особенномъ мірѣ привлекало и непреодолимо манило къ себѣ будущаго автора «Переписки съ друзьями». Иначе зачѣмъ было

останавливаться на его жалкихъ, съ вѣшной стороны, явно безмысленныхъ переживаніяхъ? Замѣтите, что не только безуміе Поприщина привлекло въ эту пору жизни вниманіе Гоголя. Тогда же оцъ пишетъ и «Вія», и «Страшную мѣсть», и «Старосивѣтскихъ помѣщиковъ». И ошибочно было-бы думать, что Гоголь въ этихъ разсказахъ былъ только стороннимъ наблюдателемъ, «бытописателемъ» народной жизни.

Копшмарная смерть, такъ внезапно разбудившая отъ мирной дремоты полурастительнаго существованія Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, уже въ молодые годы видно непрестанно тревожила воображеніе Гоголя. Тоже несомнѣнно, что онъ самъ былъ охваченъ жутью сказки и мифа — жилъ въ сферѣ фантастическаго не меньше, чѣмъ въ признанномъ всѣми реальномъ мірѣ. И колдуны, и вѣдьмы, и черти, такъ неподражаемо имъ описанные, и всѣ ужасы и очарованія, пробуждающіеся въ человѣческой душѣ при соприкосновеніи съ запредѣльными тайнами непреодолимо влекли къ себѣ Гоголя. Если бы вы пожелали отвѣтить на вопросъ, что было сущностью Гоголя, его природой и что въ немъ было вѣшняго, наноснаго — иначе говоря, гдѣ можно найти настоящаго Гоголя, тамъ-ли, гдѣ ему отвела мѣсто «исторія» культуры, или тамъ, гдѣ парила его безудержная фантазія, вы бы не имѣли никакихъ «данныхъ» для отвѣта. Развѣ только, если бы вы довѣрились какой-нибудь изъ современныхъ теорій познанія, которая, по примѣру Аристотеля, захватила право отграничивать сонъ отъ яви, дѣйствительность отъ фантазіи. Но, если вы не принадлежите къ тѣмъ, которые слѣпо полагаются на готовыя теоріи, если вы способны хоть иногда, хоть на мгновенье, освободиться отъ гипноза современныхъ идей, то вы далеко не такъ рѣзительно станете сводить на-иѣтъ попытки Гоголя изобразить эту загадочную, такъ привлекающую его и такъ недоступную для всѣхъ, опороченную теоріями, дѣйствительность. Можетъ быть, вы согласитесь признать тогда, что и въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголь не выступалъ «обличителемъ» общественныхъ нравовъ, а гадать о своей судьбѣ и судьбахъ всего человѣчества. Вѣдь самъ же онъ и разсказалъ намъ, что подъ видимымъ смѣхомъ его были невидимыя слезы и что, когда мы смѣялись надъ Чичиковымъ и Новдревымъ, мы смѣялись надъ ихъ творцомъ.

Ш.

Въ противоположность Толстому, Гоголь уже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ сталъ подходить къ той завѣтной чертѣ, которая отдѣляетъ обычную, всѣмъ доступную дѣйст-

вительность отъ скрытой для смертнаго вѣчной тайны. Подходилъ когда серьезно, когда играя. Ему нравилось на мгновенье наклонить голову надъ пропастью и испытать жуть головокруженія: онъ былъ увѣренъ, что, когда захочетъ, отведетъ глаза отъ пропасти. Онъ чувствовалъ себя привязаннымъ надежными канатами къ общему для всѣхъ міру, и для него экскурсіи въ область загадочнаго были вольными и не слишкомъ опасными развлеченіями. Такъ онъ думалъ. Но судьба готовила ему иное. И это выяснилось подъ конецъ жизни. Его настоящими «записками сумасшедшаго» были «Мертвыя души» и «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Даже Пушкинъ, который все умѣлъ понимать, не разгадалъ истиннаго смысла «Мертвыхъ душъ». Ему казалось, что это плачь по невѣжественной, дикой, отсталой Россіи. Но не въ одной Россіи Гоголь увидѣлъ мертвыя души. Весь міръ представился ему замороженнымъ царствомъ; всѣ люди — великіе и малые — безвольными, безжизненными лунатиками, покорно и автоматически выполняющими извнѣ внушенные имъ приказанія. Ѣдятъ, пьютъ, гадаютъ, размножаются, произносятъ отяжелѣвшими языками безмысленныя слова. Нигдѣ ни слѣда «свободной воли», ни одной искры сознанія, никакой потребности пробудиться отъ вѣковѣчнаго сна. Всѣ глубоко убѣждены — что ихъ сонъ, ихъ жизнь и ихъ «общій» міръ есть единственная, послѣдняя и окончательная реальность, хотя никто, конечно, никогда объ Аристотелѣ и не слышалъ. «Переписка» только комментарий и дополненіе къ «Мертвымъ душамъ». Въ ней, конечно въ совершенно иной формѣ, вырываются вновь на поверхность скрытыя чаянія народнои души. Тотъ-же Вій, тѣ-же колдуны, тѣ-же вѣдьмы, черти — вся та фантастика, о которой мы уже говорили.

И этотъ фантастическій міръ представляется Гоголю самой реальностью сравнительно съ тѣмъ міромъ, въ которомъ Собакевичъ расхваливаетъ Чичикову свои мертвыя души, Пятухъ до изнеможенія закармливаетъ своихъ гостей, Плюшкинъ раститъ свою кучу, Иванъ Ивановичъ ссорится съ Иваномъ Никифоровичемъ и т. д. «И здѣсь поистинѣ можно сказать: бѣжимъ, бѣжимъ въ нашу дорогую отчизну. Но какъ бѣжать? Какъ вырваться отсюда?.. Наша отчизна — та область, изъ которой мы пришли сюда; тамъ живетъ нашъ Отецъ». *) Такъ говоритъ Плотинъ, такъ думалъ и чувствовалъ Гоголь: только смерть и безуміе смерти можетъ разбудить людей отъ кошмара жизни. Въ этомъ-же смыслѣ «Записокъ Сумасшедшаго» Толстого — т. е. не того незаконченнаго отрывка, который носятъ это заглавіе, а всего, что

*) Плотинъ. I. 6. 8.

написано Толстымъ послѣ «Анны Карениной». «Сумасшествіе» состояло въ томъ, что все, что прежде казалось реальнымъ и поистинѣ существующимъ, теперь стало представляться призрачнымъ и, наоборотъ, то, что казалось призрачнымъ, теперь кажется единственно дѣйствительнымъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1868 г. появилась до сихъ поръ почему-то нигдѣ не перепечатаваемая статья Толстого: «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ». Въ ней есть слѣдующія многое намъ объясняющія строки, въ которыхъ Толстой опредѣляетъ свое отношеніе къ крѣпостному праву. Его упрекали за то, что во «Войнѣ и Мирѣ» онъ недостаточно выразилъ «характеръ времени». «На этотъ упрекъ, — говоритъ онъ, — я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ этотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ — это ужасы крѣпостного права, закладыванье женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. д.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена такъ-же любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; такъ-же была слѣбжная умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то *только отъ того*, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстьяхъ и романахъ до насъ наиболѣе всего доходили выступающіе случаи насилія и буйства».

Толстому было сорокъ лѣтъ, когда онъ писалъ эти строки: возрастъ полной зрѣлости и расцвѣта духовныхъ силъ. Въ созрѣвшемъ Толстомъ Аракчеевская эпоха не возбуждаетъ ни ужаса, ни отвращенія. А въ дѣтствѣ, какъ мы знаемъ, онъ приходилъ въ безумное отчаянье, когда при немъ били мальчика, или даже когда нянька съ экономкой грубо перебранивались. Ему было извѣстно, что дѣлалъ Аракчеевъ и его сподвижники, зналъ онъ тоже, что такое крѣпостное «право» и какова была жизнь мужиковъ подъ неограниченной властью помѣщиковъ — но «видѣть» этого онъ не хотѣлъ, разумъ, которому, какъ принято думать, полагается все видѣть, не разрѣшалъ. Почему? Потому что такое видѣніе бесполезно, не нужно. Оно разрушаетъ съ такимъ трудомъ исторически сложившійся *ordo et connexio rerum*, тотъ общій всѣмъ міръ, внѣ котораго — безуміе и гибель. Правда неприкрашенная, правда, идущая въ разрѣзъ съ насущными челоуѣческими потребностями, хуже всякой лжи. Такъ думалъ Толстой, когда писалъ «Войну и Миръ», когда идеи Аристотеля еще

всѣмъ владѣли имъ, когда онъ боялся сумасшедшаго дома и сумасшествія и надѣялся, что ему никогда не придется жить въ своемъ «особомъ мѣрѣ». Но, когда онъ принужденъ былъ сказать себѣ: «они признали, но я-то знаю, что я сумасшедшій», когда онъ почувствовалъ себя изверженнымъ изъ общаго міра, онъ волей неволей долженъ былъ начать глядѣть на все не общими, а своими собственными глазами. И тогда «характеръ времени» Аракчеевской эпохи предсталъ предъ нимъ въ совсѣмъ иномъ освѣщеніи. «Утонченная жизнь высшаго сословія» — говорилъ онъ прежде. Теперь онъ говоритъ только о звѣрствѣ, жестокости, грубости и пошлости «высшаго сословія».

Внѣшность красивая, чистая — но подъ внѣшней красивой оболочкой тупость, пустота, преступное безсердечіе, узкій, безчеловѣчный эгоизмъ. Ростовы, Безухіе, Болконскіе превратились въ Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ. И нѣтъ гоголевскаго смѣха даже — есть только однѣ его слезы...

Въ небольшомъ, тоже неоконченномъ, разсказѣ «Утро послѣ бала», написанномъ въ 1903 году, когда Толстому уже пошелъ восьмой десятокъ, Толстой, повидимому, умышленно сводитъ на очную ставку свои старыя и новыя «видѣнія». Разсказъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой описывается веселый, красивый и интересный балъ. Описывается съ мастерствомъ, равнаго которому русская литература ни до, ни послѣ Толстого не знала. Балъ поистинѣ чудесный. И музыка, и танцы, и шампанское, и благородные, милые люди высшаго сословія, и, конечно, очаровательная, молодая дѣвушка, и влюбленный въ нее молодой человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. А черезъ часъ послѣ окончанія бала, разсказчикъ, веселый, счастливо возбужденный, полный только что пережитыми «утонченными» чувствами наталкивается на улицѣ на иную сцену: гонять сквозъ строй дезертира-татарина. И истязанія происходятъ подъ начальствомъ полковника — отца очаровательной молодой дѣвушки, того самаго, который подъ конецъ бала, къ общему удовольствію, такъ красиво и элегантно танцовалъ «по-старинному» мазурку со своею дочерью. Я сказать, что сцена была описана Толстымъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Съ меньшимъ, если не большимъ искусствомъ и подъемомъ описана и казнь татарина. Не стану приводить выписокъ изъ разсказа: всѣ, вѣрно, читали и помнятъ его. Существенно только отмѣтить и противопоставить одну другой двѣ манеры видѣть и изображать дѣйствительность. И, если имѣть въ виду всю литературную дѣятельность Толстого, то можно, метафорически, конечно, и съ подобающими въ такомъ случаѣ ограничениями, сказать: въ молодые и зрѣлые годы Толстой изо-

бражалъ жизнь, какъ очаровательный балъ, подъ старость — какъ мучительное проведеніе сквозь строй. Подъ старость не только Аракчевское время и эпоха Николая I казались ему безумнымъ и тяжелымъ кошмаромъ, онъ не выносилъ даже и нашихъ, сравнительно болѣе мягкихъ, нравовъ. Его собственная семья, которую онъ обрисовалъ еще недавно въ «Аннѣ Карениной» въ столь идиллически прекрасныхъ образахъ, стала для него невыносимой. И самъ онъ сталъ себѣ не менѣе отвратительнымъ, чѣмъ тѣ люди, съ которыми онъ жилъ. Пришлось, какъ сказано въ Писаніи, возненавидѣть отца, мать, жену, дѣтей и даже самого себя: ино-го пути для тѣхъ, кто изверженъ изъ общаго для всѣхъ міра, очевидно, нѣтъ...

Толстой гдѣ-то говорить, что лучшей видъ литературы, это — автобіографія. Думаю, что это невѣрно и не можетъ быть вѣрно въ условіяхъ человѣческаго существованія. Мы всѣ слишкомъ принадлежимъ обществу и слишкомъ живемъ для общества и, потому, приучились не только говорить, но и думать лишь то и такъ, какъ того требуетъ общество. Написать правдиво исторію своей жизни или искреннюю исповѣдь, т. е. рассказать о себѣ не то, чего ждетъ и чего нужно обществу, а то, что дѣйствительно съ тобой было, значитъ добровольно выставить себя, — при жизни или послѣ смерти, это почти все равно, — къ позорному столбу. Общество не прощаетъ отступленій отъ своихъ законовъ, и судъ его неу-молимъ и беспощаденъ. Мы всѣ это знаемъ, и даже самые смѣлые среди насъ приспособляются къ общественнымъ требованіямъ. Дневники Толстого еще не опубликованы, но тѣ дневники и жизнеописанія, которые мы знаемъ, подтверждаютъ сказанное мною. Ни одному человѣку до сихъ поръ не удавалось рассказать о себѣ въ прямой формѣ правду, даже часть правды — и это равно относится и къ «Исповѣди» бл. Августина, и къ confessions Руссо и къ автобіографіи Милля, и къ дневникамъ Нитше. Свое собственное, главное, интимное не попало ни въ одно изъ этихъ произведеній. Самую цѣнную и трудную правду о себѣ люди рассказываютъ только тогда, когда они о себѣ не говорятъ. Если бы Достоевскій написалъ свою автобіографію — она бы ничѣмъ не отличалась отъ Страховской біографіи: щегольнулъ бы лицевой стороной жизни и только. А въ «Запискахъ изъ Подполья», въ Свидригайловѣ — самъ Страховъ признаетъ это — передъ нами живой, настоящей Достоевскій. Тоже и Ибсенъ: не ищите его въ письмахъ или воспоминаніяхъ — не найдете. А въ «Дикой уткѣ» и другихъ своихъ пьесахъ онъ всего себя рассказалъ. И Гоголь не въ «авторской исповѣди» — а въ «Мертвыхъ душахъ». То-же можно обо всѣхъ писателяхъ сказать.

И нѣтъ надобности требовать отъ людей правдивыхъ автобіографій. Вѣдь литературный вымыселъ затѣмъ и придуманъ, чтобы дать возможность людямъ свободно высказаться. Но, скажутъ, нужно-ли повѣрить въ правду, какъ люди до сихъ поръ вѣрили и вѣрятъ въ ложь. Это невозможно?! Нельзя знать, что дастъ намъ правда?! Но, вѣдь, и ложь, которую мы обоготворяемъ, не очень намъ много дала...

Впрочемъ, въ утѣшеніе тѣмъ, которые боятся порывать съ традиціями, я скажу, что правда все-же не такъ опасна, какъ это принято думать. Ибо, даже выставленная на показъ, она все еще не становится общимъ достояніемъ: таковъ изначальный законъ Судьбы. Кому не слѣдуетъ—тотъ правды не увидитъ, хотя-бы она являлась къ нему во всей своей наготѣ на каждомъ перекресткѣ. Сверхъ того, пока существуетъ міръ — не переведутся и люди, которые со спокойной или неспокойной совѣстью будутъ изготовлять для своихъ ближнихъ возвышающую ихъ ложь. И такіе люди всегда были и всегда будутъ властителями человѣческихъ думъ.

Такъ или иначе, въ автобіографіяхъ не больше «правды», чѣмъ въ біографіяхъ. Кто хочетъ «правды» — тотъ долженъ научиться искусству читать художественныя произведенія. Трудное это искусство — недостаточно быть грамотнымъ, чтобы умѣть читать. Потому такъ цѣнны сохранившіеся послѣ автора черновые наброски. Иной разъ эскизъ, даже наскоро занесенная на бумагу, едва зародившаяся мысль больше говоритъ, чѣмъ законченное художественное произведеніе: человѣкъ не успѣлъ еще приспособить свои видѣнія къ «общимъ» требованіямъ. Нѣтъ подготовляющаго начала, нѣтъ разрѣшающаго конца. Рѣзкая и обнаженная мысль стоитъ предъ нами, какъ утесъ надъ водой, во весь свой естественный ростъ, и некому «оправдывать» ее въ ея грубомъ своеволіи — ни самого автора, ни услужливаго біографа.

Оттого я такъ долго останавливаюсь на незаконченныхъ и необработанныхъ «Запискахъ Сумасшедшаго». Въ своихъ законченныхъ произведеніяхъ Толстой настойчиво проводитъ ту мысль, что онъ считаетъ дѣло здраваго смысла — своимъ единственнымъ жизненнымъ дѣломъ, что вся его задача — дать людямъ вѣру въ здравый смыслъ. И только разъ, въ наброскѣ, онъ позволилъ себѣ назвать то, что происходило въ его душѣ, настоящимъ словомъ. «Они признали меня — въ здоровомъ умѣ, но я-то знаю, что я сумасшедшій». Это признаніе открываетъ намъ доступъ къ наиболее важнымъ и значительнымъ переживаніямъ Толстого.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что даже въ послѣдніе годы жизни Толстого «сумасшествіе» не было постояннымъ его душевнымъ состояніемъ. Оно только временами «нахо-

дѣло» на него: онъ то жилъ въ своемъ «особенномъ» мѣрѣ, то въ «общемъ для всѣхъ». Придутъ вдругъ неизвѣстно откуда безпричинные, безумные страхи, раскинуть, перебить, переломаютъ всѣ сокровища, накопленные въ душѣ разумомъ, и уйдутъ тоже неизвѣстно куда и такъ-же внезапно и неожиданно, какъ пришли. И тогда Толстой снова нормальный человѣкъ — такой-же, какъ и всѣ, только съ нѣкоторыми странностями и чудачествами, слабо и отдаленно отражающими пережитыя бури или предчувствіе будущихъ новыхъ потрясеній. Отсюда и неровности въ его характерѣ и дѣятельности, отсюда и постоянныя «вопіющія» противорѣчія, которыя съ такимъ злободневствомъ подчеркивали его многочисленные недоброжелатели. Толстой боялся — больше смерти боялся — своего безумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей душой ненавидѣлъ и презиралъ свою нормальность. И его безпокойная, порывистая непослѣдовательность говорить намъ много больше, чѣмъ выдержанная и разсудительная твердость тѣхъ, кто его обличалъ.

IV.

Многіе, чтобъ успокоить себя и отдѣлаться отъ той тревоги, которой они невольно заражаются, читая произведенія Толстого, пытаются объяснить всѣ боренія его малодушнымъ страхомъ предъ смертью. Имъ кажется, что такое «объясненіе» избавитъ навсегда ихъ отъ трудныхъ вопросовъ и вернетъ прежнія права обиходнымъ отвѣтамъ. Способъ не новый, но надежный. Его еще Аристотель формулировалъ, твердой рукой проведшій ясную и отчетливую линію, опредѣляющую предѣлы человѣческихъ исканій. Не нужно подходить къ послѣдней тайнѣ, нельзя давать мыслямъ о смерти право владѣть человѣческой душой.

Но Платонъ училъ другому. Въ одномъ изъ своихъ самыхъ вдохновенныхъ діалоговъ онъ не побоялся открыть людямъ ту великую и вѣчно скрытую истину, что философія есть ни что иное, какъ приготовленіе къ смерти и умиранію. Не побоялся, ибо зналъ, что эта истина — хотя-бы ее возвѣщали въ самыхъ людныхъ мѣстахъ самые громкоговоросые герольды — все равно не будетъ услышана тѣми, кого онъ называлъ *οἱ πολλοί* и кого, вслѣдъ за нимъ, Нитше называлъ: «многіе, слишкомъ многіе». И, если правъ Платонъ, а не Аристотель, то въ послѣднія десятилѣтія своей жизни Толстой даетъ намъ образецъ истинно философскаго творчества. Все, что онъ дѣлалъ, имѣло только одинъ смыслъ и одно назначеніе: ослабить свою связь съ текущимъ и преходящимъ, съ «общимъ міромъ», сбросить со своего жизнен-

наго корабля тотъ тяжелый балластъ, который придаетъ ему равновѣсіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не даетъ ему оторваться отъ земли. Непосвященнымъ часто дѣло Толстого кажется преступнымъ и кощунственнымъ. Онъ растаптываетъ то, что людямъ кажется наиболѣе дорогимъ. Онъ оскорбляетъ святыни, расшатываетъ устои, отравляетъ невинныя радости. Онъ приноситъ и можетъ принести только одни страданія. «Что это за проклятое христіанство»—воскликаетъ съ неподдѣльной искренностью княгиня Черемисова въ посмертной драмѣ Толстого «И свѣтъ во тѣмъ свѣтитъ». И вѣдь она права. Ея сынъ подъ судомъ: онъ не хочетъ, подавшись «новому ученію», возвѣщенному героемъ драмы, Николай Ивановичемъ (т. е. Толстымъ), служить на военной службѣ. Это, какъ извѣстно, значитъ, что его жизнь навсегда погублена. И жена Николая Ивановича выражается не менѣе сильно: «Какъ ты жестокъ,—говоритъ она мужу,—какое это христіанство? Это—злость». Въ словахъ этихъ двухъ замучившихся женщинъ сконденсировалось все негодованіе и отвращеніе, какія законно и естественно вызывали въ близкихъ къ Толстому людямъ его новыя устремленія. «Если-бы,—говоритъ его женѣ ея сестра,—ты мнѣ была не сестра, а чужая, а Николай Ивановичъ не твой мужъ, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило и, можетъ быть, сама-бы поддакивала ему... Но, когда я вижу, что твой мужъ дуришь, прямо дуришь, я не могу не сказать тебѣ, что думаю». Такъ почти всѣ говорятъ: всѣ готовы признать идеи Толстого оригинальными, интересными, признать за ними какія угодно достоинства, пока онъ дальше разсуждений не идетъ. Но, какъ только начинается «воплощеніе» — всѣ, какъ одинъ человекъ, встаютъ противъ Толстого.

Не можетъ уступить Толстой свой «особенный» міръ и не уступаетъ. Но и семья не менѣе прочна въ своей вѣрѣ: для нея «общій міръ» есть единственно дѣйствительный. Только въ этомъ мірѣ и первая, и послѣдняя правда, та правда, которую еще такъ недавно самъ Толстой былъ готовъ защищать, какъ онъ говорилъ, «кинжаломъ и револьверомъ» и которой онъ воздвигъ поистинѣ нерукотворный памятникъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Двѣ правды стоятъ одна противъ другой и анаеомствуютъ. *Si quis mundum ad Dei gloriam conditum esse negaverit, anathema sit* — гремитъ одна правда. Столь-же грозно отвѣчаетъ другая правда: *Si quis dixerit, mundum ad Dei gloriam conditum esse, anathema sit**).

Кто разрѣшитъ споръ межъ носителями двухъ столь различныхъ правдъ? Міръ для Бога — или міръ для людей?

*) Если кто станетъ отрицать, что міръ созданъ для славы Божіей—анаеема. Если кто скажетъ, что міръ созданъ для славы Божіей—анаеема.

Правы ли въ своей неизмѣнной вѣрности старому закону домолады Толстого или правъ перебѣжчикъ-Толстой, еще вчера бывшій опорой того порядка, на который онъ теперь ополчился? Кого спросить? Гдѣ та инстанція, которая разсудитъ между кровно и неразрывно связанными и вдругъ ставшими другъ-другу столь ненавистными людьми? И есть ли такая инстанція? Толстой, если полагаться на его слова, не хочет и не можетъ въ этомъ усомниться. Въ спорѣ съ молодымъ священникомъ Толстой особенно горячо на этомъ настаиваетъ:

Ник. Ив. — Вѣрить надо, вѣрить, безъ вѣры нельзя, но не вѣрить въ то, что мнѣ скажутъ другіе, а въ то, къ вѣрѣ во что вы приведены самымъ ходомъ своей мысли, своимъ разумомъ... Вѣра въ Бога, въ истинную, вѣчную жизнь.

Свящ. — Разумъ можетъ обмануть, у каждаго свой разумъ.

Н. И. (*горячо*). — Вотъ это-то ужасное кощунство. Богомъ дано намъ одно священное орудіе для познанія истины, одно, что насъ можетъ соединить во-едино. А мы ему — не вѣримъ.

Свящ. — Да какъ-же вѣрить, когда, ну, разногласія, что-ли?

Н. И. — Гдѣ-же разногласія? То, что дважды два четыре, и что другому не надо дѣлать то, чего себѣ не хочешь и что всему есть причина и тому подобныя истины мы признаемъ всѣ, потому что всѣ онѣ согласны съ нашимъ разумомъ. А вотъ, что Богъ открылся на горѣ Синаѣ Моисею, или что Будда улетѣлъ на солнечномъ лучѣ, или что Магометъ леталъ на небо... въ этихъ и подобныхъ дѣлахъ мы всѣ врозь.

Николай Ивановичъ высказываетъ мысль, которая до конца жизни казалась Толстому органически сросшеюся со всѣмъ его существомъ: Разумъ одинъ для всѣхъ и всегда самъ себѣ равенъ.

Онъ всѣмъ говоритъ одно и одного для всѣхъ требуетъ. Но, почему тогда Толстой до 50 лѣтъ не слышалъ повелительнаго голоса своего «разума»? И почему, когда онъ впервые почувствовалъ, что не можетъ вырваться изъ власти этого повелителя, имъ овладѣлъ такой безумной ужасъ? Почему онъ тогда принужденъ былъ сказать себѣ: «они признали, что я только подверженъ аффектамъ, но я-то знаю, что я сумасшедшій?»

Для внимательнаго читателя едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ «Запискахъ Сумасшедшаго» Толстому удалось вѣрнѣе изобразить свое душевное состояніе, нежели въ толь-

ко-что приведенныхъ словахъ Николая Ивановича. «Разумъ», которымъ держится «общій міръ», который даетъ истины о томъ, что дважды два четыре и что ничего не бываетъ безъ причины, не только не оправдываетъ новыхъ толстовскихъ страховъ и тревогъ, но онъ ихъ самымъ беспощаднымъ образомъ *осуждаетъ*, какъ «*безпричинные*», ни на чемъ не основанные, произвольные и, стало быть, нереальные, призрачные.

Что они были безпричинными — намъ самъ Толстой рассказалъ, что они навсегда остались безпричинными — мы въ этомъ убѣдимся дальше. Для «разума» же — опять это Толстой говорить — «дважды два четыре» и «всему есть причина», равно не допускающія сомнѣнія истины. Какъ же могъ разумъ благословить Толстого на новое ученіе, которое создалось подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ безпричинныхъ страховъ, этихъ явныхъ самозванцевъ бытія? И посмотрите, каковы были послѣдствія ученія. Двадцать пять лѣтъ жила семья дружно, согласно. Но, съ тѣхъ поръ какъ Толстой сталъ жить по-новому, пришелъ конецъ и согласію, и дружбѣ, и любви. Не могли разойтись, но совмѣстная жизнь была жизнью скованныхъ одной цѣпью каторжниковъ. Такъ что если правда, что разуму дано сближать и объединять, то очевидно, что надъ семьей Толстого, послѣ его обращенія, стало витать начало, разуму прямо враждебное. Всѣ близкіе возмутились противъ него, и въ доводахъ, приводимыхъ имъ въ свою защиту и оправданіе, никто не находилъ ни малѣйшей убѣдительности. Наоборотъ, всѣ, если не знали, то чувствовали, что за доводами притаилось то начало безумія, о которомъ рассказываетъ Толстой въ «Зап. Сумасшедшаго», и боролись съ нимъ, какъ могли — увѣщаньями, просьбами, угрозами, даже силой.

Заключительная сцена пьесы, какъ въ зеркалѣ отражающая тотъ адъ, въ который попала подъ руководствомъ «разума» и новаго «проклятаго» христіанства когда-то счастливая семья, какъ нельзя лучше подтверждаетъ призрачность Толстовскихъ надеждъ на «объединеніе».

Наверху, въ освѣщенныхъ и убранныхъ комнатахъ, баль съ музыкой, танцами, дѣтями, учтивыми французскими фразами, а внизу — въ первомъ этажѣ — глава семьи, собирающійся уйти изъ дому куда глаза глядятъ, только-бы не быть свидѣтелемъ того безобразія, въ которомъ жена и дѣти видятъ сущность и украшеніе жизни. И онъ бы ушелъ — ни жена, ни дѣти, никто въ мірѣ не убѣдилъ-бы его измѣнить принятое рѣшеніе. Послѣднимъ доводомъ жены является угроза: если онъ уйдетъ, она бросится подъ поѣздъ. Не разумнымъ доказательствамъ, а угрозѣ уступать Николай Ива-

новичъ. И среди безпечнаго веселья младшихъ членовъ семьи, очевидно не постигающихъ кошмарнаго смысла борьбы между отцомъ и матерью, гибнетъ у Николая Ивановича послѣдняя надежда на торжество разума. Онъ смиряется, общается, остается и продолжаетъ эту «противную его убѣжденіямъ» жизнь — но все еще не хочетъ «думать», что въ этой уступкѣ сказывается окончательное пораженіе его «разума». Но и это утѣшеніе Толстой себѣ разрѣшаетъ не на долго. Съ тѣмъ безстрашіемъ, съ той роковой правдивостью, которая не останавливается даже предъ явно-противорѣчивыми утвержденіями, онъ непосредственно вслѣдъ за сценой объясненія съ женой рисуетъ еще одну сцену, не менѣе кошмарную и въ корнѣ подрывающую всѣ права и прерогативы разума. Приходитъ мать князя Черемисова, находящагося подъ судомъ за отказъ отъ военной службы, и, въ порывѣ безудержнаго отчаянія, въ такихъ грубыхъ и жесткихъ выраженіяхъ, продиктованныхъ, очевидно, глубочайшимъ убѣжденіемъ въ своей совершенной правотѣ, нападаетъ на Николая Ивановича и его христіанство, что она не находитъ въ себѣ силъ отстаивать предъ ней свое дѣло. Всѣ слова, всѣ доказательства, которые въ болѣе спокойныя минуты онъ обыкновенно приводилъ въ защиту своихъ идей, кажутся ему выдохшимися и пустыми. Что скажешь несчастной, обезумѣвшей отъ горя женщинѣ, сынъ которой добровольно обрекаетъ себя на мученическую смерть? Сколько-бы ни говорилъ, сколько-бы ни убѣждалъ Николай Ивановичъ, она, при мысли о томъ, что сынъ, ея единственная опора и надежда, сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ среди безумно вопиющихъ, одичавшихъ людей или въ дисциплинарномъ батальонѣ, среди лишенныхъ человѣческихъ правъ и на-половину человѣческаго образа солдатъ, что бы ей ни говорили — она не повѣритъ, никогда не повѣритъ, что такъ быть должно. «Выдумали съ Николай Ивановичемъ какое-то христіанство. Это не христіанство, а дьявольское ученіе, которое заставляетъ всѣхъ страдать.» Для княгини Черемисовой, для жены, для дѣтей Николая Ивановича, для всѣхъ людей — новое ученіе есть ученіе дьявольское, проклятое. Поступать такъ, какъ онъ учитъ, «значитъ умереть». Это и говорить сынъ Николая Ивановича, Степа, отцу. Но отецъ это не считаетъ возраженіемъ. «Да, и если ты умрешь за други свои, это будетъ прекрасно и для тебя и для другихъ», отвѣчаетъ онъ. Такова парадоксальная логика глубокихъ человѣческихъ переживаній. Безпричинные страхи приводятъ къ ни на чемъ не основанному безстрашію. Умереть не страшно, страшно — жить нашей бессмысленной, тупой жизнью. Наша жизнь есть смерть, наша смерть — есть жизнь или начало жизни. Вотъ что говорить окружающимъ Толстой и вотъ чего они не понимали и никогда не поймутъ.

Да развѣ это можно «понять»? Развѣ самъ Толстой это «понималъ»?

V.

Многіе сравнивали Толстого съ Сократомъ. Между учениками и почитателями Толстого были такіе, которые считали его, какъ древніе Сократа, безгрѣшнымъ и праведникомъ. Но самъ онъ зналъ и говорилъ о себѣ другое. Онъ самъ считалъ себѣ великимъ, величайшимъ грѣшникомъ. И не только первая половина его жизни — когда онъ еще не постигъ истины — представлялась ему отвратительной. Его старость такъ-же противна ему, какъ и молодость. «Божественное орудіе», которое онъ такъ торжественно прославлялъ, не вывело на торную, широкую дорогу, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше заводило въ непроходимыя дебри. И, если Толстой все-же продолжалъ идти впередъ, то только потому, что всѣ пути назадъ были заказаны. Но онъ уже убѣдился, что «разумъ» пересталъ служить ему, что онъ, хотя и шелъ куда-то — но не зналъ, куда придеть.

Въ этомъ основное отличіе его отъ Сократа, по крайней мѣрѣ отъ того Сократа, имя котораго вписано на страницы исторіи. И Толстой училъ людей и Толстой проповѣдывалъ *ibi et ubi*. Миръ съ трепетомъ и благоговѣніемъ прислушивался къ словамъ яснополянскаго старца. Если-бы былъ въ наше время всезнающій оракулъ, онъ-бы навѣрное сказалъ, что Толстой — мудрѣйшій изъ людей. Но самъ Толстой зналъ другое — зналъ, что онъ слабый, немощный старикъ. И чѣмъ больше росла его слава, тѣмъ сильнѣе мучался онъ сознаніемъ своего безсилія и ничтожества. Онъ жа «далъ славы — это правда. Но слава ему была нужна лишь для того, чтобъ получить право и возможность растоптать ее. Не призрачная слава мнимаго героя, а настоящая слава мудреца и праведника нужна только для того, чтобъ быть отвергнутой. Это тоже великая и страшная, какъ всякое откровеніе, истина. О ней Толстой со свойственными ему одному правдивостью и мужествомъ разсказалъ въ своемъ тоже посмертномъ произведеніи «Отецъ Сергій».

Отецъ Сергій, монахъ, старецъ — въ міру князь Касаткинъ, блестящій гвардейскій офицеръ. Онъ въ молодости ждалъ многого отъ жизни и многого-бы дождался, если-бы «случай» не разбилъ всѣ его надежды. Что произошло съ молодымъ княземъ — мы разсказывать не будемъ. Но даже тѣ, кто не читалъ «Отца Сергія», могутъ положиться на Толстого: «случилось» такое, послѣ чего возвратъ къ прежней свѣтской жизни сталъ абсолютно невозможенъ. Есть-ли что-либо въ иномъ мирѣ —

въ томъ мѣстѣ молитвъ и самоистязаній, въ который попадаетъ человѣкъ, принявшій монашескій обѣтъ, — или нѣтъ, объ этомъ Касаткинъ не могъ не думать, ни знать ничего определеннаго. Онъ только зналъ, что видѣ монастыря для него нѣтъ мѣста въ мѣрѣ. Свое главное дѣло онъ сталъ дѣлать съ той добросовѣстностью, которая была отличительнымъ свойствомъ его характера. И хотя не скоро, но достигъ на новомъ поприщѣ неслыханнаго успѣха. Его узнала вся Россія. За сотни, за тысячи верстъ стекались въ монастырь богомольцы, привлекаемые славой святого старца. «Онъ часто самъ удивлялся тому, какъ это случилось, что ему, Степану Касаткину, довелось быть такимъ необыкновеннымъ угодникомъ и прямо чудотворцемъ, но въ томъ, что онъ былъ такой, не было никакого сомнѣнія: онъ не могъ не вѣрить тѣмъ чудесамъ, которыя онъ самъ видѣлъ, начиная съ разслабленнаго мальчика и до послѣдней старушки, получившей зрѣніе по его молитвѣ. Какъ это ни странно было, это было такъ.» Кажется, наступилъ моментъ полного торжества и удовлетворенія. Можно успокоиться, отдохнуть въ гордомъ сознаніи, что за тяжкіе труды ниспослана Небомъ заслуженная награда. Всѣ признали Степана Касаткина великимъ угодникомъ и чудотворцемъ. Развѣ такого общаго признанія недостаточно? Развѣ гласъ народа — не гласъ Божій? Если всѣ заблуждаются, то гдѣ-же искать правды? Отецъ Сергій, старый человѣкъ, прославленный учитель, къ ужасу своему видитъ, что у него нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. Нельзя полагаться на себя — онъ это давно зналъ. Теперь онъ убѣдился, что и на другихъ положиться нельзя. Коллективное внушеніе, колечко, прочіе, чѣмъ самовнушеніе, но его прочность имѣеть своимъ источникомъ отнюдь не истину. Отецъ Сергій, или, лучше будемъ прямо говорить, Толстой начинать вспоминать свою прошлую свѣтскую жизнь и сравнивать ее со своей новой, отшельнической. Къ ужасу своему онъ принужденъ признать, что и прежде, и теперь онъ, помимо своей воли, во всемъ, что дѣлалъ, служилъ не высшей правдѣ, а тому, чего отъ него требовали человѣческіе предрасудки. И теперь онъ говоритъ себѣ: «за тысячи верстъ прїѣзжаютъ, въ газетахъ пишутъ, государь знаетъ, въ Европѣ, въ невѣрующей Европѣ, знаютъ.» Но, развѣ можетъ быть иначе? Развѣ угодника и святого не долженъ чтить весь мѣръ? Вѣдь высшая задача разума въ томъ, чтобъ привести людей въ одно святое мѣсто, объединить ихъ въ одной вѣрѣ и на одномъ дѣлѣ.

Но въ этомъ и великій и загадочный даръ Толстого: когда онъ подходитъ къ цѣли, онъ убѣждается, что шель не туда, куда нужно было. Между святымъ подвижникомъ, къ которому со всѣхъ концовъ свѣта стекаются толпы восторжен-

ныхъ поклонниковъ, и гвардейскимъ офицеромъ, добросовѣстно выполняющимъ свои служебныя обязанности, нѣтъ по существу разницы. Оба живутъ въ общемъ всѣмъ міръ—стало быть, тяготѣютъ къ землѣ и боятся неба. Разумъ обманулъ, всѣ «труды» пропали даромъ. Человѣкъ послѣ долгихъ, мучительныхъ скитаній вернулся на то мѣсто, съ котораго вышелъ. «Говориль-ли онъ наставленія людямъ, просто благословлялъ-ли, молился-ли о болящихъ, давалъ-ли совѣты людямъ о направленіи ихъ жизни, выслушивалъ-ли благодарность людей, которымъ онъ помогъ, либо исцѣленіями, какъ ему говорили, либо поученіями, онъ не могъ не радоваться этому, не могъ не заботиться о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, о вліяніи ея на людей. Онъ думалъ о томъ, что онъ былъ свѣтильничекъ горящій, и чѣмъ больше онъ чувствовалъ это, тѣмъ больше онъ чувствовалъ ослабленіе, потуханіе Божескаго свѣта, горящаго въ немъ». «Насколько то, что я дѣлаю—для Бога, насколько—для людей?» Вотъ вопросъ, который постоянно мучалъ его и на который онъ никогда не то, что не могъ, но не рѣшался отвѣтить себѣ. Онъ чувствовалъ въ глубинѣ души, что дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностью для людей. Онъ чувствовалъ это, потому что, какъ прежде ему тяжело было, когда его отрывали отъ уединенія, такъ ему теперь тяжело было его уединеніе. Онъ тяготился посѣтителеми, уставалъ отъ нихъ, но, въ глубинѣ души, онъ радовался тѣмъ восхваленіямъ, которыми окружали его». Такія мысли преслѣдуютъ Толстого. А вѣдь въ ту пору, когда писался «Отецъ Сергій», Толстой «дѣлалъ» столько, сколько едва-ли кому доводилось дѣлать. И не только писалъ, проповѣдывалъ. Онъ устраивалъ крестьянъ, организовывалъ въ огромныхъ размѣрахъ помощь голодающимъ, утѣшалъ несчастныхъ, свои личныя нужды ограничилъ минимумомъ, отказавшись даже отъ того, что въ монастыряхъ считается необходимымъ.

Онъ пахалъ, тачалъ сапоги, самъ убиралъ послѣ себя, и т. д. Казалось-бы, если кто имѣетъ право съ законной, священной гордостью — *santa superbia* разрѣшится и католическимъ монахамъ — радоваться о своей жизни и дѣлахъ — такъ вѣдь именно онъ. И вдругъ такой ужасъ предъ собой — «красный, бѣлый, квадратный, раздирающій душу на части». Не вздумайте только, чтобъ поскорѣе отвѣтить на вопросъ — объяснять его слова «смирненіемъ». И вообще не торопитесь: торонливость убиваетъ всякую возможность постиженія. И объяснять, т. е. подводить событія толстовской жизни подъ готовые общія понятія, тутъ нечего. Объясненія остались уже далеко позади—тамъ, въ общемъ для всѣхъ міръ, гдѣ люди «дѣлаютъ», гдѣ «дѣла» прежде всего, гдѣ «заслугами» оправдывается жизнь. Такъ было—но теперь все

измѣнилось. Дѣятельность, работа для людей, даже самая полезная, самая безкорыстная—отъ дьявола, и предъ Богомъ не имѣеть цѣны. «Дѣла» не спасаютъ, а губятъ душу—будь то самыя святыя дѣла. Съ отцомъ Сергіемъ произошло тоже, что когда-то съ монахомъ Лютеромъ. И Лютеръ, ушедшій въ монастырь затѣмъ, чтобъ святыми дѣлами спасти свою душу, вдругъ съ ужасомъ убѣдился, что, принимая санъ, онъ началъ служеніе дьяволу. Когда я произносилъ монашескіе обѣты и обрекалъ себя на тяжкіе труды отшельнической жизни, я этимъ, говорилъ онъ впоследствии, совсѣмъ какъ Толстой, отрекался отъ Бога. Или въ его собственныхъ выраженіяхъ: «ессе, Deus, tibi voveo impietatem (t blasphemiam p r tota i meam vitam». Но, если нельзя спастись добрыми дѣлами, если и добрыя даже дѣла не угодны Богу, что-жь тогда?»

Дать «удовлетворительный» отвѣтъ на этотъ вопросъ, т. е. сказать что-нибудь такое, что было-бы пріемлемо для индивидуальнаго или коллективнаго человѣческаго разума, Толстой уже не могъ. Все спуталось въ его душѣ. Онъ переступилъ ту черту, гдѣ человѣческой взглядъ отчетливо различаетъ предметы. Непроглядная, безпросвѣтная тьма объяла его — тьма, въ которой онъ, до сихъ поръ жившій въ свѣтѣ и больше всего цѣнившій свѣтъ, не только не могъ ничего предпринять, но въ которой и вообще невозможно было предпринять что бы то ни было изъ того, что люди предпринимають, пока они ходятъ въ свѣтѣ. Даже и «думать» нельзя. Въдъ люди обычно думаютъ только для того, чтобъ дѣйствовать. А тутъ дѣлъ нѣтъ и быть не можетъ. Стало быть, и думать нужно совсѣмъ не такъ, какъ думаютъ въ «общемъ всѣмъ мірѣ». Все нужно пересоздавать, все начинать съ начала... Отецъ Сергій «сталъ молиться Богу: Господи, Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, блаже, души наши». «Очисти отъ скверны славы людской, обуревающей меня»,—повторилъ онъ, и вспомнить, сколько разъ онъ молился объ этомъ и какъ тщетны были до сихъ поръ въ этомъ отношеніи его молитвы. Молитва его дѣлала чудеса для другихъ, но для себя онъ не могъ выпросить отъ Бога освобожденія отъ этой ничтожной страсти.

За извѣстными предѣлами ни молитвы, ни добрыя дѣла не помогаютъ, какъ не помогли много лѣтъ тому назадъ Толстому мысли о женѣ, объ имѣніи и т. д. отвлечься отъ его «страховъ». Въ его, когда-то гордой, самоувѣренной душѣ, такъ любившей свѣтъ и ясный отчетливый порядокъ, воцарились хаосъ и непроглядная тьма.

Ни одной живой мысли, ни одного живого чувства: все

умерло, кромѣ огчаинія. «Онъ спросилъ себя, любить-ли онъ кого, любить-ли Софью Ивановну, отца Серапіона, испыталь-ли онъ чувство любви ко всѣмъ этимъ лицамъ, бывшимъ у него нынче — къ этому ученому юношѣ, съ которымъ онъ такъ поучительно бесѣдовалъ, заботясь только о томъ, чтобы показать свой умъ и неотсталость отъ образованія. Ему пріятна, нужна была любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ. Не было у него теперь любви, не было и смиренія, не было и чистоты». — И это послѣ десятковъ лѣтъ трудной подвижнической жизни! Какъ могло такое случиться, за что постигла Толстого эта кара?

Боюсь, что читатель не согласится повѣрить Толстому, заподозрить его въ нарочитомъ преувеличеніи. Еще больше есть оснований опасаться, что читатель устанетъ слѣдовать за Толстымъ въ его безцѣльныхъ странствованіяхъ по безконечнымъ, истомляющимъ пустынямъ, гдѣ только палящій зной, пески и, вмѣсто оазисовъ, раздражающіе миражи. Зачѣмъ онъ терзаетъ себя? Зачѣмъ намъ терзаться съ нимъ? Терзаться съ нимъ незачѣмъ: кто усталъ, вправѣ отстать и уйти въ иныя мѣста. *Молитвы и добрыя дѣла Толстого вѣдь именно отпавшими*, какъ мы знаемъ съ его собственныхъ словъ, *пойдутъ на пользу*: какъ прежде Толстой былъ и будетъ волшебникомъ и чудодѣемъ для всѣхъ, кромѣ себя. Онъ до конца жизни своей будетъ учить, у него и послѣ смерти будутъ учиться и про его дѣла легенда разкажетъ много необычнаго. Но что бы онъ ни говорилъ людямъ — все это для него самого не годится. Ему осталось одно: бѣжать, бѣжать, и бѣжать безъ оглядки, забывъ о томъ, что осталось позади, не вглядываясь въ то, что его ждетъ впереди. Тѣ силы, на которыя онъ рассчитывалъ — его разумъ и его добродѣтель — измѣнили ему. И отецъ Сергій, предметъ поклоненія Россіи и Европы, всего языческаго и христіанскаго міра, бѣжить, какъ тать въ ночи изъ своей кельи, смѣнивъ монашескую рясу мужицкимъ зипуномъ. И — точно затѣмъ, чтобы совсѣмъ сбить съ толку и безъ того растерявшагося читателя, Толстой рассказываетъ, что святой старецъ, прежде, чѣмъ бѣжать, совершаетъ гнусное и бессмысленное насиліе надъ привезенной къ нему издалека для леченія отцомъ больной дѣвучкой-полуидiotкой. Нужно было это придумывать? Вѣдь навѣрное въ этомъ Толстой неповиненъ! Зачѣмъ такъ клепать на себя? *Нужно* — несомнѣнно нужно. Толстой не повиненъ въ этой гнусности. Но вѣдь проф. Висковатый разсказалъ худшее о Достоевскомъ. Бываетъ и такая логика — хотя въ учебникахъ о ней не упоминается.

Можетъ, Толстой и не думалъ о Достоевскомъ, когда кончалъ отца Сергія. Но, когда воспоминанія развернули предъ нимъ нескончаемый свитокъ прошлаго, онъ убѣдился, что

выдуманное преступленіе не отягчить его души. Можетъ быть — вѣдь мы въ той области, гдѣ возможности иныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли — облегчить его на томъ новомъ пути, на который онъ былъ призванъ невѣдомой волей...

Разсказъ «Отець Сергій» имѣетъ конецъ: Толстой «отдалъ честь классицизму» — развязка есть. Отець Сергій, уйдя изъ монастыря, начинаетъ скитаться, доходитъ до Сибири, «селится на заимкѣ у богатаго мужика и теперь живетъ тамъ. Онъ работаетъ у богатаго мужика и учитъ дѣтей, и ходитъ за больными». Коротко и ясно для тѣхъ, кто не хочетъ видѣть, что это только честь, отданная классицизму, что толстовскія хожденія по мукамъ на этомъ не кончились. Развѣ тѣ страхи, о которыхъ онъ намъ рассказывалъ, не живутъ и въ Сибири? Или тамъ фурии менѣе беспощадны! «Отець Сергій» не послѣднее слово Толстого. На заимкѣ у богатаго мужика, среди работъ въ огородѣ, преподаванія дѣтямъ и уходомъ за больными, Толстой такъ-же мало могъ найти покоя, какъ и въ своей старой семьѣ въ постоянной борьбѣ за свою загадочную «правду». Оттого новой жизни всего посвящено три строчки. Онъ, повидимому замѣняютъ собою многогоціе или вопросительный знакъ. Или это привычная дань разуму, требующему, чтобы всякое начало имѣло свой конецъ. Толстой почти никогда не рѣшался открыто отказывать въ повиновеніи «разуму», никогда не признавался, что живетъ не во свѣтѣ, а во тьмѣ. И ночь для него была ночью, только ночью — т. е. безсодержательнымъ ничто, какъ будто-бы не онъ разскажалъ намъ о «заполненной» пох *mutica* многогакое, что не открывалось даже прославленнымъ, канонизированнымъ святымъ — Бернарду Клервосскому, св. Терезѣ, Иоанну дель-Кроче. Таково основное противорѣчіе человѣческой природы: мы хотимъ, чтобы даже бреды наши были закономѣрными. Мы и къ откровеніямъ предъявляемъ такое же требованіе...

Когда Декарту «открылся свѣтъ истины», онъ свое великое постиженіе втиснулъ тотчасъ-же въ формулу заключенія: *Cogito ergo sum*. И погибла великая истина — ничего не принесла ни самому Декарту, ни людямъ! И вѣдь онъ-же училъ, что *de omnibus dubitandum* — что во всемъ нужно усомниться. Но тогда прежде всего нужно было усомниться въ правомѣрности притязаній силлогистическихъ формулъ, считающихъ себя всегда и вездѣ признанными экспертами истины. Какъ только Декартъ началъ «заключать», онъ сразу забылъ что онъ увидѣлъ. Забылъ *cogito*, забылъ *sum*, только бы добыть принудительное для него и для всѣхъ *ergo*. Но все «постиженіе» уже цѣликомъ было въ *sum*. И *sum* сравнительно съ *cogito*, какъ и *cogito* сравнительно съ *sum* ничего

новаго изъ себя не представляетъ. Вѣрнѣе было бы сказать «*Sum cogitans*»: въ этомъ вся сущность новаго знанія. *Вдругъ* ему открылось то, что раньше было неизвѣстно, что онъ, Декартъ, существуетъ. Открылось, стало быть было *открове- ніемъ*, при томъ опровергающимъ всѣ основоположенія разума. Именно разумъ, усумнившійся во всемъ, усумнился и въ существованіи Декарта, тотъ чистый, надъиндивидуальный разумъ, то «сознаніе вообще», безъ котораго немислимо объективное знаніе. И опровергнуть сомнѣнія разума разумными же доводами *нѣтъ никакой возможности*. Когда Декарту «открылся свѣтъ истины» (такъ онъ самъ говорилъ о своемъ *cogito ergo sum*) — это было, повторяю, дѣйствительное откровеніе, которое побѣдоносно разбило всѣ соображенія разума. Такъ что, если уже пошло на выводы, то слѣдовало бы вспомнить Тертулліана и сказать: *cogito, sum; certum est quia impossibile* (я мыслю, существую — несомнѣнно, ибо невозможно). Или иными словами: разумъ, сковавшій насъ своими золотыми цѣпями, долженъ смириться. Въ жизни есть нѣчто большее, чѣмъ разумъ. Сама жизнь течетъ изъ источника высшаго, чѣмъ разумъ. Т. е. то, чего разумъ не постигаетъ, не всегда есть невозможное. И, наоборотъ: тамъ, гдѣ разумъ констатируетъ необходимость — связи могутъ быть разорваны. Такъ долженъ былъ «истолковать» свое открытіе Декартъ. Но онъ хотѣлъ «строгой науки», боялся уйти изъ «общаго всѣмъ міра», гдѣ только и возможна строгая наука и далъ толкованіе прямо противоположное. Т. е. не разбилъ, а благословилъ золотыя цѣпи — если хотите, — золотого тельца, которому отъ сотворенія поклоняется все развивающееся въ борьбѣ за существованіе человѣчество, точнѣе все живущее на землѣ. Ибо все живущее думаетъ только о пользѣ. Даже животныя обладаютъ не только душами, но и душами разумными, въ извѣстномъ смыслѣ болѣе разумными, т. е. болѣе покорными законамъ разума, чѣмъ человѣкъ. Вѣдь, если кто живетъ сообразно съ природой — такъ это именно животныя. Только въ человѣкѣ, — и то изрѣдка, какъ нисходящая съ Неба благодать — проявляется пренебрегающая пользой «свободная воля», она-же имснуется дерзновеніемъ, *τόλμα*, и дерзновеніемъ нечестивымъ, ибо нарушаетъ строй, законъ (*οὐδὲ τῆς ἐξουσίας, νόμος*), который люди въ своей слѣпотѣ считаютъ предвѣчнымъ. А какъ мало дастъ намъ знаніе «законовъ» — явствуетъ изъ «открытія» Декарта. Вѣдь онъ не зналъ, *въ самомъ дѣлѣ не зналъ*, что существуетъ. И сейчасъ, послѣ его открытія, люди продолжаютъ не знать этого — самые ученые люди. Развѣ не правы были стоики? И не столько въ томъ, что *πᾶς ἄρρωστος μαινεται**), сколько въ томъ, что среди всего

*) Всякій неразумный человѣкъ безумствуетъ.

человѣчества они насчитывали только трехъ, четырехъ чело-
вѣкъ, которыхъ не считали безумными. Правда, они, пови-
димому, преувеличивали и, во всякомъ случаѣ, не умѣли уга-
дать, кто былъ настоящимъ мудрецомъ. Вѣдь Антисѣенъ не
зналъ, навѣрное не зналъ того, что узналъ Декартъ. Ему,
значить, нужно было еще 2000 лѣтъ жить для того, чтобы
дождаться этого открытiя. И дало бы оно ему что-нибудь?

Л. Шестовъ.

(Окончанiе слѣдуетъ.)
